

УДК-324:353(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-1-57-65

ВЛИЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ НА ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИНКУМБЕНТА: СЛУЧАЙ ГУБЕРНАТОРСКИХ ВЫБОРОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

А. С. Вайсберг

Вайсберг Александра Сергеевна, студентка, образовательная программа «Политология и мировая политика»,

Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Россия, Санкт-Петербург.

E-mail: asvaysberg@edu.hse.ru (ORCID: 0000-0001-6457-0238).

Аннотация

В статье представлен обзор литературы по тематике общественного контроля выборов в современной России, а также эмпирическое исследование влияния фактора общественного контроля на результаты выборов губернатора Санкт-Петербурга 2019 г. В рамках обзора литературы выделяются два основных подхода к изучению общественного контроля: общественный контроль как способ контроля и участия и общественный контроль как имитация и легитимация. В эмпирической части в связи с недостатком систематических данных фактор общественного контроля операционализирован как доля членов избирательных комиссий, выдвинутых различными политическими силами. На основе регрессионного анализа эмпирических данных делается вывод об ограниченном влиянии общественного контроля на электоральные результаты инкумбента (более значимое влияние на процент голосов, отданный за временно исполняющего обязанности губернатора оказали уровень явки, доля избирателей, проголосовавших на дому, и процент проголосовавших против всех). При этом результаты анализа подтверждают сделанное на основе литературного обзора предположение о существовании двух моделей общественного контроля: партиципаторной и имитационно-легитимационной. В заключительной части работы сформулированы направления для дальнейших исследований: более детальное изучение механизмов фальсификации результатов выборов на уровне отдельных избирательных комиссий, легитимации сфальсифицированных результатов, а также способов предотвращения фальсификаций и борьбы с ними, используемых независимыми наблюдателями и членами избирательных комиссий.

Ключевые слова: авторитаризм; выборы; гражданское общество; легитимация; имитационные практики; российская политика; общественный контроль.

Значимость института выборов сложно преувеличить. В демократиях он обеспечивает ротацию политических элит, их подотчётность гражданам, а последним, в свою очередь, предоставляет возможность влиять на политическую жизнь государства. Но в современном мире институт выборов, пусть и по несколько другим причинам, важен и для недемократических политических режимов. Так, в случае соревновательного авторитаризма выборы выступают в роли одной из областей демократической состязательности, так как оппозиция, участвуя в них, имеет шанс на победу (Levitskiy and Way, 2002: 54–55). В странах с электоральным авторитарным режимом выборы в первую очередь способствуют легитимации инкумбентов, не выполняя при этом своей явной функции отбора кандидатов, пользующихся наибольшей поддержкой избирателей, и не отвечая выделенным А. Пшеворским критериям определённости (а также честности) процедур при неопределённости результатов (Schedler, 2006: 14). Тем не менее, выборы всё же считаются одним из главных источников легитимности для электоральных авторитарных режимов (von Soest and Grauvogel, 2017: 11). Наличие процедурных изъянов в сочетании с функцией легитимации и как следствие, высоким уровнем внимания к процессу проведения голосования делает достаточно актуальным изучение общественного мониторинга выборов в условиях авторитаризма. Значимость роли, которую могут играть общественные организации, контролирующие соблюдение закона в электоральной сфере, подтверждается, например, тем, что именно фиксация нарушений наблюдателями могла стать одним из катализаторов массовых протестов после выборов депутатов Государственной думы 2011 г. (Owen, 2017). Как замечает В. Я.

Гельман, масштаб протестных акций тогда был неожиданным и для Кремля, и для самих оппозиционных акторов (Gel'man, 2015: 181), что указывает на возросшую важность контроля за распространением и подачей информации о выборах, а следовательно, и за их общественным мониторингом для обеих сторон.

Несмотря на столь существенную роль, которую общественный контроль выборов играет в политической жизни авторитарных государств, в посвящённой ему научной литературе всё ещё обнаруживаются пробелы и противоречия. В частности, на теоретическом уровне выделяются более оптимистичный подход, рассматривающий институты общественного контроля как «школы демократии», и более пессимистичный, видящий в общественном мониторинге выборов в первую очередь инструмент легитимации авторитарного режима. На эмпирическом уровне противоречия проявляются в том, что у исследователей нет единого мнения относительно того, насколько значимое влияние общественный контроль может оказывать на результаты авторитарных выборов.

Таким образом, в фокусе этой статьи находится вопрос о том, какое влияние присутствие независимых общественных контролёров оказывает на электоральные результаты инкумбента в условиях электорального авторитаризма. Статья имеет следующую структуру. Первая часть представляет собой обзор литературы, детализирующий обозначенные выше теоретические и эмпирические противоречия между оптимистичным и пессимистичным подходом к изучению общественного мониторинга выборов. Во второй части представлены результаты эмпирического исследования влияния фактора общественного контроля на электоральные результаты инкумбента в случае губернаторских выборов в Санкт-Петербурге. Третья часть посвящена сопоставлению результатов данного исследования и других работ по тематике общественного контроля.

Общественный мониторинг выборов как способ контроля и участия

В фокусе этого раздела статьи находится оптимистичный подход к изучению общественного контроля выборов. Прежде чем переходить к рассмотрению отдельных аспектов темы, следовало бы дать определение общественного контроля. Но сформулировать однозначную дефиницию этого понятия оказывается сложно, поскольку, как замечает К. Оуэн, его значение оспаривается представителями различных политических сил, в дискурсе каждой из них формируется своё собственное определение общественного контроля (Owen, 2017: 380–381). Поэтому для данного раздела статьи представляется более уместным не зафиксированное в законе определение, а, например, следующее, приведённое В. Е. Карастелевым: «Форма организации наблюдения и действий в защиту общественных интересов, осуществляемых независимыми гражданами, их представителями, а также негосударственными и некоммерческими организациями» (Карастелев, 2015: 47), под которое попадают, в первую очередь, не официальные субъекты общественного контроля, а, к примеру, независимые объединения наблюдателей.

Отметим, что организационная и идеологическая независимость наблюдателей и их объединений от каких-либо политических сил считается сравнительно современным феноменом. По оценке С. Давыдова и коллег, среди каналов рекрутинга (которые в то же время связаны с мотивацией участия в наблюдении) общественных контролёров до недавнего времени в первую очередь выделялись политические партии, имеющие круг идейных сторонников и бюджетные организации, обладающие так называемым административным ресурсом. В 2011–2012 гг. к ним впервые добавились гражданские активисты, участие которых не было организовано никем из кандидатов. В качестве своей цели они заявляли не отстаивание частных интересов отдельного политика или партии, а контроль за соблюдением честности и прозрачности избирательных процедур в целом (Давыдов, Логунова и Лыткина, 2016: 52). Наличие такой доминирующей мотивации, по крайней мере, у части опрошенных авторами исследования респондентов, говорит в пользу того, что наблюдение на выборах действительно может рассматриваться как одна из «школ демократии», одна из площадок для деятельного гражданского участия. Отсутствие непосредственной привязки к интересам какой-либо политической силы также указывает на универсалистский, республиканский характер мотивации этой категории наблюдателей. Как подчёркивает В. Е. Карастелев, ни одна из политических партий тогда не смогла монополизировать протестную повестку, «на арене неожиданно появился новый коллективный политический субъект, который может быть опознан как гражданский стейкхолдер, желающий распоряжаться своим будущим и владеющий возможностями новых информационных технологий», главной мотивацией которого стало не стремление к власти, а «контроль за процедурами, в частности за выборами» (Карастелев, 2015: 43–44).

Критический дискурс-анализ воспоминаний и размышлений независимых общественных контролёров, который был проведён К. Оуэн, показывает, что информанты воспринимают наблюдение как возможность заставить должностных лиц соблюдать закон, при этом в их нарративах прослеживается определённый антагонизм между интересами и намерениями независимых наблюдателей, с одной стороны, и членов избирательных комиссий – с другой (Owen, 2017: 388). Кроме того, и в исследовании С. Давыдова с соавторами, и в исследовании К. Оуэн респонденты говорят о том, что участие в наблюдении позволяет обычным гражданам проявить свои лучшие, порой воспринимаемые ими самими как героические, качества – готовность «оказаться в физически и психологически сложной ситуации ради более высокой цели» (Owen, 2017: 389) и «в случае экстренной ситуации оказаться героем» (Давыдов, Логунова и Лыткина, 2016: 57). Таким образом, для общественных контролёров участие в наблюдении может стать способом так называемого empowerment, как посредством расширения знаний избирательного законодательства, так и за счёт повышения уверенности в собственных силах и возможностях, способности влиять на происходящие в обществе события.

Но остаётся открытым вопрос, действительно ли присутствие наблюдателей при проведении голосования может снизить количество нарушений. Результаты полевого эксперимента, проведённого Р. Ениколоповым и коллегами, подтверждают эту гипотезу. Организаторы эксперимента случайным образом распределили независимых наблюдателей по 156 участковым избирательным комиссиям (УИК) в разных районах Москвы, а после подведения итогов голосования сравнили результаты в расположенных рядом УИК, в части из которых в день голосования находились наблюдатели, а в других – нет. По оценке авторов исследования, само присутствие наблюдателей в УИК снижало долю голосов, полученных «Единой Россией» на 11%, несмотря на то, что некоторых контролёров удалили с места проведения голосования ещё до начала подсчёта голосов. Более того, в ходе эксперимента был зафиксирован так называемый spillover эффект – присутствие наблюдателей уменьшало процент голосов, отданных за партию власти, не только в УИК, которые наблюдатели непосредственно контролировали, но и в тех, которые просто располагались в том же здании (Enikolopov et al., 2013: 449).

Если рассматривать влияние общественного мониторинга выборов в сравнительной перспективе, результаты межстрановых исследований также достаточно оптимистичны. Например, эмпирически подтверждается позитивная связь между присутствием международных наблюдателей и вероятностью смещения инкумбента-автократа на выборах (Roussias and Ruiz-Rufino, 2018: 124). Из этого можно сделать вывод о том, что общественный мониторинг выборов может способствовать демократизации не только в долгосрочной перспективе (путём формирования партиципаторной политической культуры и распространения правовых знаний), но и в краткосрочной, так как присутствие независимых наблюдателей повышает шансы оппозиционных кандидатов на победу и снижает процент голосов, получаемых инкумбентами или партией власти, тем самым нанося ущерб их легитимности и повышая вероятность их смещения.

Общественный мониторинг выборов как имитация и легитимация

Этот раздел работы посвящён пессимистичному подходу к изучению общественного контроля выборов. Аргументы сторонников этого подхода в целом можно разделить на две группы. Во-первых, не все наблюдатели в действительности стремятся предотвратить или зафиксировать нарушения и безразличны к тому, будут ли соблюдены электоральные процедуры, соответственно, для них общественный контроль не выполняет функцию научения демократии. Наблюдение на выборах при таком подходе предполагает своей целью не предотвращение и документальную фиксацию нарушений, а формальное подтверждение их отсутствия. Наиболее показателен в этом отношении случай губернаторских выборов 2018 г. в Приморском крае, после которых Общественная палата этого региона отчиталась о том, что подготовленные ею наблюдатели не выявили каких-либо нарушений¹ (хотя независимые общественные контролёры сообщали об обратном)². Затем результаты выборов были аннулированы именно со ссылкой на масштабные фальсификации³. Вероятно, наблюдатели, дающие такого рода оптимистичные оценки качества избирательной процедуры, сами не заинтересованы в результатах выборов, возможно, они выполняют свою роль по необходимости или даже по

¹ Наблюдатели Общественной палаты не заметили нарушений на выборах в Приморье [Online], *Интерфакс*. URL: <https://www.interfax.ru/russia/629480> (дата обращения: 28.03.2020).

² Заявление движения «Голос» о ситуации на выборах губернатора Приморского края [Online], *Голос*. URL: <https://www.golosinfo.org/articles/142885> (дата обращения: 28.03.2020).

³ 20 сентября 2018 г. состоялось 114 заседание избирательной комиссии Приморского края [Online], *Избирательная комиссия Приморского края*. URL: <http://primorsk.izbirkom.ru/news/525/> (дата обращения: 28.03.2020).

принуждению. Так, например, одна из респонденток в исследовании Давыдова и коллег, бывшая наблюдателем на выборах мэра Москвы 2013 г. от С. Собянина, говорит: «Меня на работе попросили, и я согласилась. Так бы не пошла на выборы» (Давыдов, Логунова и Лыткина, 2016: 57).

Любопытно, что в числе прочих и представители электорального истеблишмента, то есть члены избирательных комиссий разного уровня, в своих работах рассматривают деятельность наблюдателей, в первую очередь, как способ легитимации результатов выборов (а не как контроль за их правильным и прозрачным формированием, как можно было бы предположить). Например, несмотря на наличие глубокой и разносторонней теоретической основы, в статье заместителя председателя Санкт-Петербургской избирательной комиссии А. В. Егоровой приведена не совсем корректная интерпретация результатов вышеупомянутого эксперимента Ениколопова и соавторов. А. В. Егорова предполагает, что «авторы эксперимента указывают на то, что положительное влияние наблюдателей на ход голосования выражалось даже не столько в фиксации нарушений (наличие которых в юридически признанных процедурах в большинстве случаев не получило своего подтверждения), сколько в том, что сам факт присутствия на избирательных участках наблюдателей от системных парламентских партий, позволял потом эффективно парировать инсинуации некоторых несистемных политических сил о якобы имевшей место «массовой» фальсификации итогов выборов (курсив мой – А. В.)» (Егорова, 2019: 125), тогда как исследователи пишут о прямо противоположных результатах (Enikolopov et al., 2013: 450). Такая оригинальная интерпретация, предположительно, делает ещё более явным понимание роли общественных контролёров, сложившееся в среде лиц, причастных к организации выборов. Для этой группы акторов характерно инструментальное, а не ценностное отношение к институту наблюдения (что отражено в том числе и в названии статьи), который рассматривается ими, в первую очередь, как способ легитимировать результаты выборов на фоне всё падающего уровня доверия к ним граждан, а также «парировать» (но не опровергнуть) обвинения оппозиции, в том числе, возможно, и независимых наблюдателей.

Во-вторых, некоторые авторы пессимистично оценивают возможности также и независимых общественных контролёров. Например, результаты эксперимента, проведённого во время выборов депутатов Государственной думы 2011 г. в 22 российских городах Бузиным и соавторами, не позволяют говорить о том, что присутствие в местах голосования независимых наблюдателей оказало существенное влияние на результаты выборов (Buzin, Brondum and Robertson, 2016). В частности, присутствие наблюдателей не имело значимого эффекта на долю голосов, полученных партией «Единая Россия», а в семи городах в УИК без независимых общественных контролёров она была даже ниже, чем в тех комиссиях, где они были (Buzin, Brondum and Robertson, 2016: 187). Результаты эксперимента Бузина и соавторов в Москве в некоторой степени противоречат результатам упомянутого выше эксперимента Ениколопова и соавторов (2013), так как эффект присутствия наблюдателей в первом случае оказывается более, чем в два раза меньше, чем во втором (Buzin, Brondum and Robertson, 2016: 188).

Таким образом, обзор литературы показывает, что существует два взгляда на роль институтов общественного контроля в современной России и две модели описания деятельности акторов общественного контроля, которые мы условно назовём партиципаторной и имитационно-легитимационной. Часть авторов, представляющая оптимистичный подход, считает, что общественный контроль выполняет функцию «школы демократии», способствуя повышению уровня политического участия (партиципаторная модель), а также действительно повышает уровень честности и прозрачности электоральных процедур, так как присутствие независимых наблюдателей и членов избирательных комиссий предотвращает нарушения. Другие исследователи, напротив, рассматривают деятельность институтов общественного контроля (в особенности тех из них, которые наиболее подконтрольны государству, например, Общественной палаты), в первую очередь, как комбинацию имитационных практик, нацеленную на легитимацию результатов выборов (имитационно-легитимационная модель), но не на борьбу с нарушениями, а также более пессимистично оценивают возможность влияния независимых наблюдателей на результаты выборов.

Влияние общественного контроля на результаты выборов: эмпирическое исследование

Анализ существующей научной литературы позволяет прийти к выводу о том, что число количественных исследований того, как присутствие общественных контролёров влияет на результаты выборов, пока что не очень велико. Более того, авторы имеющихся исследований приходят к достаточно противоположным выводам. Так, Бузин и соавторы (2016) оценивают эффект присутствия независимых наблюдателей гораздо менее оптимистично, чем Ениколопов и соавторы (2013). В связи с

этим проведение количественного исследования влияния фактора общественного контроля на результаты выборов кажется достаточно актуальным и отвечающим критерию научной новизны.

В качестве объекта нашего исследования были выбраны выборы губернатора Санкт-Петербурга 2019 г., которые представляются достаточно подходящими для целей исследования. С одной стороны, в Санкт-Петербурге достаточно активно действуют объединения независимых общественных контролёров («Голос», «Наблюдатели Петербурга за честные выборы»). В то же время в городе отмечается сравнительно большое число нарушений на выборах, например, результаты эксперимента Бузина и соавторов указывают на то, что в УИК, в которых отсутствовали независимые наблюдатели, могла быть завышена доля явки (Buzin, Brondum and Robertson, 2016: 187). Кроме того, если на выборы в менее крупных субъектах федерации (например, во Владимирскую или Псковскую области) зачастую приезжают общественные контролёры из столичных регионов, что может исказить результаты исследования (возможно, привести к отсутствию важных объяснительных переменных), в Санкт-Петербурге большинство наблюдателей – местные жители.

Проблема, связанная с эмпирическим изучением общественного контроля, состоит в том, что статистика присутствия в избирательных комиссиях наблюдателей, членов с правом совещательного голоса и представителей СМИ не ведётся (либо не находится в открытом доступе). Однако известно, что некоторые, особенно опытные общественные контролёры, становятся членами избирательных комиссий с правом решающего голоса (то есть полноправными членами избирательных комиссий, которые и занимаются выдачей бюллетеней и подсчётом голосов, в дальнейшем для краткости будем называть их ЧПРГ). С другой стороны, большинство ЧПРГ всё же представлено не активистами, а работниками бюджетных организаций, что отражает в том числе и имитационный аспект общественного контроля. В связи с этим имеет смысл проанализировать персональный состав избирательных комиссий. Кандидатуры для формирования УИК могут быть выдвинуты политическими партиями, иными общественными объединениями, собраниями избирателей по месту учёбы/работы/жительства/службы, представительным органом муниципального образования. Поскольку «Единая Россия» большинством исследователей рассматривается как партия власти или доминирующая партия (*dominant party*), в терминологии Дж. Сартори (Sartori, 2005), можно предположить, что действия членов УИК, выдвинутых от этой партии, будут в большей степени соответствовать описанной выше имитационно-легитимационной модели. Этой же модели может соответствовать и деятельность членов УИК, выдвинутых представительным органом муниципального образования, так как они, в свою очередь, могут быть частью политической машины, нацеленной на обеспечение нужных электоральных результатов. Партиципаторной модели может соответствовать деятельность ЧПРГ, выдвинутых партией «Яблоко», как одной из немногих демократически ориентированных и социал-либеральных, но при этом официально зарегистрированных партий.

Исследовательский вопрос, таким образом, может быть сформулирован следующим образом: оказал ли общественный контроль значимое влияние на результаты губернаторских выборов в Санкт-Петербурге и, если да, то каков был характер и масштаб этого влияния?

Операционализация электоральных результатов (зависимой переменной) не составляет серьёзной проблемы. В качестве зависимой переменной в случае губернаторских выборов 2019 г. в Санкт-Петербурге будет выступать процент голосов, полученный А. Д. Бегловым (которого можно рассматривать как инкубента, так как на момент выборов он занимал пост врио губернатора). Данные о распределении голосов за каждого из кандидатов доступны на сайте Санкт-Петербургской избирательной комиссии¹.

Переменная «общественный контроль» была операционализирована посредством долей членов УИК, выдвинутых различными субъектами. С помощью программы для парсинга данных ParseHub² были собраны данные о субъектах выдвижения ЧПРГ по каждой УИК (Списки ЧПРГ нижестоящих избирательных комиссий доступны на сайте Санкт-Петербургской избирательной комиссии³). Затем было подсчитано число представителей каждого из этих субъектов в каждой УИК. После этого, поскольку общее число членов разнится от УИК к УИК, мы разделили число ЧПРГ, выдвинутых тем или иным субъектом (например, партией «Единая Россия» или собранием избирателей

¹ Выборы высшего должностного лица Санкт-Петербурга – Губернатора Санкт-Петербурга. Санкт-Петербургская избирательная комиссия. URL: <http://www.st-petersburg.vybory.izbirkom.ru/region/st-petersburg?action=show&vtn=27820001217413&region=78&prver=0&pronetvd=null> (дата обращения: 16.05.2020).

² ParseHub. URL: <https://www.parsehub.com/> (дата обращения: 16.05.2020).

³ Избирательные комиссии [Online]. Санкт-Петербургская избирательная комиссия. URL: <http://www.st-petersburg.vybory.izbirkom.ru/region/st-petersburg?action=ik> (дата обращения: 16.05.2020).

по месту работы) на общее число членов УИК, получив тем самым пропорцию представителей этого субъекта (или политической силы) от общего числа членов.

Помимо персонального состава членов УИК, в исследовании также, в качестве контрольных переменных, учитываются стандартные для электоральных исследований факторы: явка, протестное голосование и надомное голосование. Последнее представляется особенно важным, так как предоставляет наибольшие возможности для манипуляций, в частности, для вброса бюллетеней (Buzin, Brondum and Robertson, 2016: 185). Протестное голосование, в свою очередь, было операционализировано посредством доли недействительных бюллетеней, так как эта характеристика указывает на процент избирателей, желающих поучаствовать в выборах, но не готовых проголосовать ни за одного из кандидатов.

Описательная статистика по переменным, включённым в регрессионную модель, представлена в табл. 1.

Таблица 1

Описательная статистика

Statistic	N	Mean	St. Dev.	Min	Max	Median
Доля голосов за А. Д. Беглова	1,898	0.63	0.09	0.30	0.98	0.63
Доля членов УИК, выдвинутых от «Единой России»	1,898	0.08	0.03	0.00	0.14	0.08
Доля членов УИК, выдвинутых от представительного органа муниципального образования	1,898	0.03	0.06	0	1	0
Доля членов УИК, выдвинутых от «Яблока»	1,898	0.04	0.04	0.00	0.14	0.07
Явка	1,898	0.30	0.10	0.16	1.00	0.27
Доля избирателей, проголосовавших на дому	1,898	0.03	0.05	0.00	0.82	0.02
Доля недействительных бюллетеней	1,898	0.03	0.01	0.00	0.33	0.03

Относительно влияния фактора общественного контроля были сформулированы три основные и три дополнительные гипотезы:

Основные:

1. Будет обнаружена позитивная связь между долей членов УИК, выдвинутых от партии «Единая Россия» как партии власти, и процентом голосов, отданных за А. Д. Беглова в этой УИК.
2. Будет обнаружена позитивная связь между долей членов УИК, выдвинутых от представительного органа муниципального образования, и процентом голосов, отданных за А. Д. Беглова в этой УИК.
3. Будет обнаружена негативная связь между долей членов УИК, выдвинутых от РОДП «Яблоко» как оппозиционной партии, и процентом голосов, отданных за А. Д. Беглова в этой УИК.

Дополнительные:

1. Будет обнаружена позитивная связь между долей явки избирателей в УИК и процентом голосов, отданных за А. Д. Беглова в этой УИК.
2. Будет обнаружена позитивная связь между долей избирателей в УИК, проголосовавших на дому, и процентом голосов, отданных за А. Д. Беглова в этой УИК.
3. Будет обнаружена негативная связь между долей недействительных бюллетеней и процентом голосов, отданных за А. Д. Беглова в этой УИК.

Для проверки гипотез и оценки влияния независимых переменных на зависимую используется линейная (МНК) регрессия. Результаты анализа представлены в табл. 2. Все включённые в модель независимые переменные статистически значимы и, соответственно, оказывают существенное влияние на зависимую переменную. При этом направление связи у всех переменных совпадает с указанным в гипотезах. Следовательно, подтверждаются как основные, так и дополнительные гипотезы.

Результаты МНК-регрессии

Переменные	<i>Dependent variable:</i> Доля голосов за А. Д. Беглова
Доля членов УИК, выдвинутых от «Единой России»	0.143** (0.006, 0.280)
Доля членов УИК, выдвинутых от представительного органа муниципального образования	0.217*** (0.158, 0.276)
Доля членов УИК, выдвинутых от «Яблока»	-0.206*** (-0.287, -0.125)
Явка	0.318*** (0.279, 0.358)
Доля избирателей, проголосовавших на дому	0.155*** (0.075, 0.235)
Доля недействительных бюллетеней	-1.502*** (-1.741, -1.262)
Constant	0.563*** (0.546, 0.580)
Observations	1,898
R ²	0.258
Adjusted R ²	0.256
Residual Std. Error	0.078 (df = 1891)
F Statistic	109.862*** (df = 6; 1891)
Note:	*p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01

Результаты статистического анализа в целом подтверждают выводы исследования Бузина и соавторов о том, что присутствие независимых общественных контролёров не имеет значительного влияния на результаты выборов (Buzin, Brondum and Robertson, 2016: 190). Хотя исследование Бузина и коллег, благодаря включению большего количества кейсов (городов), обладает большим потенциалом для генерализации, представляется, что наш исследовательский дизайн также имеет определённые сильные стороны. Например, в нашем случае не возникает вопрос контроля времени, проведённого общественными контролёрами в УИК. Если наблюдатели могут пробыть на месте голосования только часть дня, что может повысить вероятность нарушений электоральных процедур (Buzin, Brondum and Robertson, 2016: 190), то члены комиссии должны присутствовать в УИК с момента подготовки к открытию до завершения подсчёта бюллетеней. В то же время, очевидно, всегда существует вероятность того, что член комиссии по различным причинам мог не явиться в УИК в день голосования, что также может повлиять на результаты выборов, но информацию об этом невозможно получить из общедоступных источников.

Также в нашем случае проблема рандомизации представляется не столь значимой, как это может быть в исследованиях Ениколопова и соавторов (2013) и Бузина и соавторов (2016). В случае полевых экспериментов этих авторов принципиально важным было случайным образом распределить независимых наблюдателей по избирательным комиссиям или по избирательным округам, так как если большинство наблюдателей попадут в «честные», менее склонные к нарушениям УИК, это может создать иллюзию существенного влияния присутствия наблюдателей на результаты голосования (Buzin, Brondum and Robertson, 2016: 189). В нашем исследовании в выборку были включены все УИК, данные о членах которых были доступны на сайте Санкт-Петербургской избирательной комиссии, что должно предотвратить смещение в сторону как более, так и менее «честных» УИК. Вместе с

тем, следует отметить, что на сайте Санкт-Петербургской избирательной комиссии, по-видимому, нет информации о членах некоторых УИК. Скорее всего, это может объясняться тем, что эти комиссии находятся на территории СИЗО и/или военных частей (поэтому, вероятно, в случае проведения полевого эксперимента эти УИК не попали бы в экспериментальную группу, так как обеспечить присутствие независимых наблюдателей в этих УИК было бы невозможно).

Основной проблемой нашего исследования может быть названа мультиколлинеарность (наличие линейной зависимости между независимыми переменными). Так, можно предположить, что возможна зависимость между долей членов УИК, выдвинутых от «Единой России» и представительного органа муниципального образования, и явкой или долей избирателей, проголосовавших на дому, так как величина этих показателей обычно может указывать на наличие или отсутствие вбросов бюллетеней, которые считаются одним из основных способов электоральных манипуляций.

* * *

Представленные в этой работе результаты указывают на то, что влияние общественного контроля не следует переоценивать, так как электоральные результаты инкумбента во многом определяются другими факторами. В частности, значимый эффект на результаты голосования оказывают доля явки и процент недействительных бюллетеней. Вклад нашей работы также состоит в том, что мы выделяем две модели деятельности акторов общественного контроля: партиципаторную и имитационно-легитимационную. Результаты статистического анализа подтверждают соответствие этого теоретического заключения эмпирической реальности: увеличение доли членов УИК, выдвинутых партией власти или представительным органом муниципального образования улучшает электоральные результаты инкумбента, а выдвинутых оппозиционной партией – ухудшает.

При этом следует заметить, что данная работа, как и обсуждавшиеся выше исследования, обходит стороной вопрос о механизмах электоральных манипуляций, а также последующей легитимации сфальсифицированных результатов выборов. Углублённое изучение этих механизмов, в частности, их реализации на индивидуальном уровне, по-видимому, требует использования этнографических методов и дискурса-анализа. То же самое можно отметить и по поводу более детального изучения стратегий по борьбе с фальсификациями, используемых независимыми наблюдателями и членами избирательных комиссий. Всё это в совокупности делает сферу общественного мониторинга выборов многообещающей областью для дальнейших научных изысканий.

Финансовая поддержка

Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№20-04-007) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2020–2021 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации "5-100".

Статья рекомендована к публикации по результатам конкурса академических исследовательских работ в рамках Ассамблеи молодых политологов 2020.

Список литературы / References

- Давыдов, С. Г., Логунова, О. С. и Лыткина, Е. И. (2016) 'Мотивация и медиапредпочтения наблюдателей на выборах мэра Москвы 2013 г.', *Журнал социологии и социальной антропологии*, 86(3), сс. 50–64. [Davydov, S. G., Logunova, O. S. and Lytkina, E. I. (2016) 'Motivation and Mediapreferences of 2013 Moscow Gubernatorial Election Observers' [Motivatsiya i mediapredpochteniya nablyudatelei na vyborah mera Moskvu 2013 g.], *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 86(3), pp. 50–64 (In Russ.)].
- Егорова, А. В. (2019) 'Институт наблюдателей на выборах как фактор легитимации власти в современной России', *Управленческое консультирование*, (5), сс. 121–130. [Egorova, A. V. (2019) 'Institute of Election Observers as a Factor of Regime Legitimation in Contemporary Russia' [Institut nablyudatelei na vyborah kak faktor legitimatsii vlasti v sovremennoi Rossii], *Administrative Consulting*, (5), pp. 121–130 (In Russ.)].
- Карастелев, В. Е. (2015) *Институционализация общественного контроля в системе правосудия и правоохранительной*

- деятельности в современной России. Дисс. канд. полит. наук. Москва. [Karastelev, V. E. (2015) Institutionalization of Public Monitoring in Judicial and Law Enforcement System in Contemporary Russia [Institutsionalizatsiya obshchestvennogo kontrolya v sisteme pravosudiya i pravookhranitel'noi deyatel'nosti v sovremennoi Rossii]. PhD Diss. (Polit. Science). Moscow. (In Russ.)].
- Buzin, A., Brondum, K. and Robertson, G. (2016) 'Election observer effects: A field experiment in the Russian Duma election of 2011', *Electoral Studies*, (44), pp. 184–191.
- Enikolopov, R. et al. (2013) 'Field experiment estimate of electoral fraud in Russian parliamentary elections', *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 110(2), pp. 448–452.
- Gel'man, V. (2015) 'Political Opposition in Russia: A Troubled Transformation', *Europe-Asia Studies*, (2), pp. 177–191.
- Levitskiy, S. and Way, L. (2002) 'The rise of competitive authoritarianism', *Journal of democracy*, (2), pp. 51–65.
- Owen, C. (2017) 'The Struggle for Meaning of Obshchestvennyi Kontrol' in Contemporary Russia: Civic Participation between Resistance and Compliance after the 2011–2012 Elections', *Europe-Asia Studies*, (3), pp. 379–400.
- Roussias, N. and Ruiz-Rufino, R. (2018) "'Tying incumbents' hands": The effects of election monitoring on electoral outcomes', *Electoral Studies*, (54), pp. 116–127.
- Sartori, G. (2005) *Parties and party systems: A framework for analysis*. ECPR press.
- Schedler, A. (2006) 'The logic of electoral authoritarianism', in *Electoral authoritarianism: The dynamics of unfree competition*, pp. 1–23.
- von Soest, C. and Grauvogel, J. (2017) 'Identity, procedures and performance: how authoritarian regimes legitimize their rule', *Contemporary Politics*, pp. 1–19.

Статья поступила в редакцию: 10.11.2020

Статья принята к печати: 30.01.2021

THE INFLUENCE OF ELECTION OBSERVATION ON INCUMBENT'S ELECTORAL RESULTS: THE CASE OF GUBERNATORIAL ELECTIONS IN ST. PETERSBURG

A. S. Vaysberg

A. S. Vaysberg, student, educational program "Political Science and World Politics", National Research University "Higher School of Economics", Russia, St. Petersburg.
E-mail: asvaysberg@edu.hse.ru (ORCID: 0000-0001-6457-0238).

Abstract

The article includes a literature review on election observation in contemporary Russia and empirical research of the election observation influence on the results of the gubernatorial election in St. Petersburg. In the literature review section, the two approaches towards election observation are distinguished: election observation as a tool of control and participation, and election observation as imitation and legitimation. In the empirical section, due to the lack of systematic data, election observation is operationalized as the share of election committee members nominated by different political forces. The empirical section concludes with the thesis about the limited effect of the electoral monitoring on the incumbent's results (the results of the acting governor were to a higher extent influenced by the turnout level, the share of voters, who cast their ballots at home, and those who voted against all of the candidates). The results of the analysis support the argument about the existence of two models of election observation: participatory and imitation-legitimizing. In the concluding section the possible directions for further research are suggested: studying of the electoral fraud mechanisms at the level of individual election committees, legitimation of frauded results, and ways in which independent election committee members and election observers combat and prevent electoral fraud.

Keywords: autocracy; elections; civil society; legitimation; imitation practices; Russian politics; election observation.